

Джон ненадолго вышел из кабинета, и я присел рядом с Йоко на огромный, жемчужно-белый бархатный диван. В этой мягко освещенной безупречной комнате я увидел черный рояль, а на стене за ним – портрет Джона и Шона. Длинноволосые, они сидели на бермудском пляже. На кофейном столике стояла дубовая шкатулка, инкрустированная слоновой костью и нефритом, в нескольких стеклянных витринах хранились египетские артефакты, которые Йоко ценила за их красоту и магические свойства.

Затем я посмотрел вверх и, словно во сне, вдруг увидел, что весь потолок создавал реалистичную оптическую иллюзию неба с тонкой паутиной облаков. “Над нами только небо”. И я тут же вспомнил открытое письмо Джона и Йоко, опубликованное 27 мая 1979 года на последней полосе *The New York Times*. Озаглавленное “Любовное письмо от Джона и Йоко всем, кто спрашивает нас, что, когда и почему”, оно завершилось словами: “Помните, наше молчание – это молчание любви, а не

равнодушия. Помните, мы пишем прямо на небе, а не на бумаге – это наша песня. Поднимите глаза, посмотрите наверх... и вы поймете, что гуляете в бескрайних небесах. Во всех нас больше неба, чем земли”. И хотя голова моя все еще витала в облаках, околдованный лазурным свечением, я спустился на землю, потому что Йоко начала рассказывать о том, как появился альбом *Double Fantasy*.

Прошлой весной, говорила она, Джон с ее благословения собирался зафрахтовать *Megan Jaye* – 43-футовую яхту, стоявшую на якоре в Ньюпорте, Род-Айленд, – и 4 июля вместе с командой из четырех человек отправиться в путешествие на Бермуды. На Лонг-Айленде, где в Колд-Спринг-Харбор у них с Йоко был второй дом, Джон научился ходить под парусом и потом еще долго бредил большим морским путешествием. 9 октября ему должно было исполниться сорок лет, и, как в *Borrowed Time* – песне, написанной по окончании путешествия, – “Сейчас я старше, / Будущее светлее, / Пришел мой час”.

Планировалось – как только Джон доберется до Бермуд, Шон вместе с няней прилетят туда, чтобы отец с сыном смогли провести вместе трехнедельные каникулы, купаясь и выходя в море, а Йоко останется дома, “чтобы привести в порядок дела”, как она выразилась. Но в середине путешествия через Бермудский треугольник разразился шторм с ураганным ветром и двадцатифутовыми волнами. Капитан и команда слегли, и Джону, не страдавшему морской болезнью, пришлось

занять место рулевого на целых шесть часов. Позже он рассказывал, что, мокрый и измочаленный ветром, чувствовал себя викингом, “горланящим морские песни и матерящим богов”. Вспоминая о своем путешествии, Джон говорил мне: “У тебя есть только долбаная лодка и ветер, дующий со скоростью 110 миль в час, так что ты знаешь наверняка, что имеет значение, а что нет”.

Джон арендовал виллу с лепниной в идиллическом местечке под названием Фэйрилендс на окраине Гамильтона, и они с Шоном каждый день ходили на пляж, где купались и строили песчаные замки. Именно там они и познакомились с художницей, которая отважилась подойти и спросить, можно ли ей нарисовать портрет Джона и Шона. К ее удивлению, Джон согласился. Несколько дней подряд они с Шоном ходили к ней в мастерскую и позировали. Вернувшись в Нью-Йорк, Джон подарил портрет Йоко, и это была та самая картина, которую я увидел над роялем.

Как-то раз Джон отвел Шона в Бермудский ботанический сад, где увидел растущие под кедром изящные бело-желтые цветы под названием “двойная фантазия”. “Это что-то вроде фрезии, – объяснял Джон, – но мы думали о них как об образе, который одновременно рождается у двух разных людей, – настоящее таинство”. А потом, вечером, Леннон бродил по Гамильтону и, чтобы узнать, какую музыку слушают местные, прошелся по клубам, чего не делал с середины 1970-х, когда жил в Лос-Анджелесе. Все закончилось в

заведении под названием *Disco 40*. “Наверху они крутили диско, – вспоминал Джон, – а внизу я впервые услышал *Rock Lobster* в исполнении *B-52*. Знаешь эту песню? Это было похоже на музыку Йоко, так что я сказал себе: пришло время встряхнуться самому и разбудить жену”.

Джон стремительно начал писать музыку. *Woman* якобы заняла у него пятнадцать минут, а в *Dear Yoko*, одной из новых песен, он ссылается на не слишком спокойное морское путешествие, говоря Йоко, что даже в эпицентре бури ее дух был рядом с ним. Одновременно в Нью-Йорке вернулась к песням и Йоко. В подтверждение ее мысли о том, что, “разговаривая по телефону с человеком с Северного полюса, вы можете вместе с ним писать картины”, они с Джоном болтали по телефону каждый день и пели друг другу то, что написали в промежутках между разговорами. Во время одной из таких бесед Джон спел ей *Beautiful Boy*, а Йоко сказала: “Я тоже написала песню, и она называется *Beautiful Boys*, давай я спою ее тебе”. Когда Джон вернулся в Нью-Йорк, Йоко спросила: “Ты правда хочешь это сделать?” Джон ответил: “Да”.